

Studia Culturae: Вып. 4 (30): Academia: Е.А. Овчинникова. С. 30-39

Е.А. ОВЧИННИКОВА

*Доцент, кандидат философских наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет*

МОРАЛЬ И ЭТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ ПОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА (20-Е ГГ. XX ВЕКА).

Работа выполнена при поддержке Гранта РНФ № 14-18-00192, СПбГУ

В статье анализируется на историческом материале 20-х гг. XX в. процесс «вытеснения» этики из образовательного и научного пространства, вызванный политическими факторами и идеологическим влиянием, с одной стороны, и формирование новой морали, которая включается в государственную идеологию как ее неотъемлемый компонент, с другой стороны. Прослеживается влияние социально-политических, идеологических установок, сформировавших ценностный и нормативный строй морали данного периода. В пореволюционные годы место теоретической этики занимает этическая доктрина, задача которой – четко регламентировать, кодифицировать поведение, задавать жесткую нормативную систему, формировать нравственные идеалы, воспитывать нового человека.

Ключевые слова: русская культура, пролетарская мораль, партэтика, этика и идеология, этика в России.

Е.А. OVCHINNIKOVA

*Associate Professor, PhD in Philosophy, Associate Professor
Saint Petersburg State University*

THE MORAL AND ETHICAL THEORY IN DOMESTIC CULTURE-REVOLUTIONARY PERIOD (20TH YEARS OF XX CENTURY).

This work was supported by Grant RNF № 14-18-00192.

The article examines the historical material on the 20th years of the XX century, the process of «crowding out» ethics of educational and scientific space, caused by political and ideological factors of influence on the one hand, and the formation of a new morality, which is included in the state ideology as its integral component, on the other hand. The article shows the influence of socio-political, ideological, formed the normative system of values and morals of the period. In the revolutionary years of theoretical ethics, it takes place ethical doctrine, whose mission - clearly regulate, to codify behavior, set a tough regulatory system, to form moral ideals, to bring a new person.

Keywords: Russian culture, proletarian morals, partetika, ethics and ideology, ethics in Russia.

Первые годы после революции 1917 года, как и предреволюционный период, характеризовались многообразием этических идей и концепций. Не ставя задачу представить полную картину этических концепций пореволюционного периода, хотелось бы остановиться на анализе социокультурных трансформаций, происходивших в этот исторически пограничный период в общественной морали, и соотнести моральную практику с этической теорией. Этика в системе образования в России на протяжении XIX века переживала разные периоды, отношение к этике как философской науке и университетской дисциплине зависело от идеологических стратегий власти. Этика на долгие десятилетия покидала университетские аудитории, однако моральная рефлексия, которую невозможно было «упразднить», воплощалась в иных теоретических формах и формировала пространство этического дискурса в русской культуре. Вопрос о преподавании гуманитарных дисциплин и, прежде всего, философии возникал не раз на протяжении всего XIX века, выступал предметом дискуссий на разных уровнях власти и общественности. Так, еще в царствование Николая I, после революционных событий во Франции 1848 года обсуждался на государственном уровне вопрос о задачах образования. П.Ф. Каптерев в «Истории русской педагогики» приводит слова К.Д. Ушинского: «После Февральской революции наши сановитые педагоги не шутя поговаривали о том, как бы оставить одни технические заведения в России, готовить инженеров, моряков, офицеров и даже астрономов, потому что и астрономия может придать нам ученый блеск за границей, и вовсе не готовить политиков, философствующих юристов, публицистов и тому подобных ненужных и беспокойных людей» [2; С. 13]¹.

Ушинский написал эти строки в 1859 году, но его «Письма о воспитании наследника русского престола» были опубликованы только в 1908 году, поэтому, вероятно, звучали актуально в период поисков идеалов и

¹ Эти рассуждения напоминают эпоху петровских преобразований, когда в России возобладали крайне утилитарный государственный взгляд на науку и образование, которое понималось в смысле выучки какому-то конкретному занятию, годному в узкопрактическом, прагматически-утилитарном отношении. Одной из главных целей и задач образования представлялось овладение профессиональными навыками, приготовлением к определенным занятиям, прежде всего государственной службе (военной и гражданской). Образование общее, необходимое для нравственного развития общества (в том числе и этика как наука и дисциплина) в разряд задач государственных не входило. В реформаторской деятельности правительство заботилось об основании и поддержании преимущественно специальных школ, а школьное образование понималось как выучка определенному занятию, овладение ремеслом, профессией. Это приводило даже к определенному пренебрежению общим образованием.

ценностей межреволюционной эпохи. Поскольку философское образование воспринималось как определенная форма мировоззрения и основание для политических, общественных убеждений, то судьбы философии во многом зависели от государственных задач, политических и общественных идеалов.

Теоретическим основанием идеологических исканий революционной эпохи выступает марксизм. С одной стороны, марксизм в русской культуре, по выражению Г. Флоровского, представлял антитезу моралистическому мировоззрению. «Это было восстание новой метафизики против засилья морализма. Метафизика марксизма была дурной и догматической метафизикой. Но важна не догма марксизма, а его проблематика. Весь патетизм моралистов не мог искупить их метафизической растерянности и нечувствия. Марксизм же был практически возвращением к онтологии, к действительности, к «бытию» [11; С. 453]. Следуя марксистской традиции русская мысль обратилась к социальному бытию морали.

С другой стороны, критический дух марксизма привел к радикальному отрицанию этики, которое основывалось на цитате из «Немецкой идеологии», знаменитой фразе о том, что «коммунисты не проповедуют никакой морали» [7; С. 236]. Маркс не ставил задачу создания теории морали, он говорил о критике морали, которую понимал как превращенную форму общественного сознания. Мораль «не отражает, не выражает, а *искажает и прикрывает действительное положение вещей*.... Моральная деформация общественного сознания, согласно К.Марксу, призвана обслуживать интересы господствующих, привилегированных слоев общества, помочь им навязать свою волю всему обществу. Люди нуждаются поэтому не в теории морали, а в том, чтобы освободиться от ее дурмана» [1; С. 160]. В понимании Маркса, бытие - это прежде всего общественная практика, которую следует преобразовать, то есть создать, сконструировать моральное бытие.

Русская мысль воспримет марксистские идеи в более радикальном ключе. В русле марксистского понимания морали, она наследует критический дух марксизма в отношении морали и этики, социальный взгляд на мораль, ее происхождение, содержание и нормативный порядок. Идея Маркса о преобразовании морального бытия примет характер утопических стремлений к моральному конструктивизму, жесткой всеохватывающей нормативности моральных кодексов.

Русской революционной мысли была свойственна радикализация марксистской позиции по отношению к морали и этической теории. Отрицание этики как науки звучит в работе В. И. Ленина «Экономическое содержание народничества», где он приводит высказывание Зомбарта: «Нельзя не признать ... справедливости утверждения Зомбарта, что «в самом марксизме от начала до конца нет ни грана этики»: в отношении теоретическом – «этическую точку зрения» он подчиняет «принципу причинности»; в отношении практическом – он сводит ее к классовой борьбе» [5; С. 440-441]. После революции в первые годы советской власти мораль становится

востребованной как инструмент осуществления политики государства, она отождествляется с идеологией и служит целям политической борьбы, формируя нравственно нового человека. Идея подчинения морали задачам победы коммунизма звучит в работе В. И. Ленина «Задачи союзов молодежи» (1920): «В основе коммунистической морали лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма... Мы говорим: нравственность это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, созидающего новое общество коммунистов.» ... «Когда нам говорят о нравственности, мы говорим: для коммуниста нравственность вся в этой сплоченной солидарной дисциплине и сознательной массовой борьбе против эксплуататоров. Мы в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем. Нравственность служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплуатации труда В основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма» [4; С. 313]. Ленин призывал молодое поколение воспитывать в себе «новую, коммунистическую мораль, которая личные интересы подчиняла бы общим, вырабатывала бы сознательную дисциплину борца и строителя, что нужно, чтобы молодежь умела сплоченно действовать в борьбе, умела работать, по-новому организуя свою коллективную работу...». Обращаясь к молодежи, Ленин сформулировал главную моральную задачу: «Вы должны воспитать из себя коммунистов... Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали» [4; С. 308].

Таким образом, с одной стороны в культуре пореволюционного периода можно обнаружить отказ от теоретической этики как метафизической науки, не связанной с анализом реальных общественных отношений, с другой стороны апелляция к морали как мощному инструменту классовой борьбы и формирования нового человека и общества. В советском обществе 20-х гг. за моралью закрепляются функции жесткой регламентации поведения и идеологического воспитания. Этике было отказано в теоретической самостоятельности, она замещается идеологией и фактически упраздняется как дисциплина, исключается из образования, все внимание переключается с теоретической рефлексии на моральную практику, строительство нового общества и нового человека.

Уже после Октябрьской революции по инициативе В.И. Ленина разрабатывается программа перестройки преподавания общественных наук. В 1921 году были изданы декреты «Об установлении общего научного минимума, обязательного для преподавания во всех высших школах РСФСР» и «О плане организации факультетов общественных наук российских университетов». В этом же году создается Институт красной профессуры. Преподавать на факультеты общественных наук Московского университета были направлены А.В. Луначарский, И.И. Скворцов-Степанов, П.Н. Лепешинский,

Д.И. Курский, и др. В качестве обязательных дисциплин были утверждены история пролетарской революции, история Советского государства и права, политическая экономия и ряд других дисциплин, этика в этот перечень не входила. Таким образом, этика вновь исключается из университетских дисциплин и на этот раз также надолго – до 1960 года (когда в Московском и Ленинградском университетах открываются кафедры марксистско-ленинской этики и эстетики, начинается новая история университетской науки).

Однако «вытеснение» этики из образовательного пространства в пореволюционной России не означало прекращения жарких споров по проблемам новой морали, пролетарской этики, морального облика партийца, наоборот, именно в этот период – 1923-1925 годы – по всей стране развернулась дискуссия по проблеме «Марксизм и мораль», многие партийцы выступали с докладами, публиковали брошюры по проблемам пролетарской морали. Основная задача виделась авторам в обосновании новой морали, определении понятий «пролетарская этика» и «пролетарская мораль» (которые употреблялись как синонимичные понятия). Пролетариат рассматривается как класс, который творит новую мораль и является этическим по своему существу.

Так, автором брошюры «О пролетарской этике» [8] пролетариат рассматривается как творчески активная личность, а всякая творческая деятельность – как этическая. «Поэтому, говоря о пролетариате, мы называем этот класс этическим по существу, потому что «должное» как объективный этический принцип, вытекает из самой его материалистической природы, из его социалистического инстинкта» [8; С. 5]. Сам пролетариат в процессе революционной деятельности создаст свою этику, свою мораль (здесь следует заметить, что во многих работах революционных авторов понятия мораль и этика синонимичны). «Пролетарская борьба, - рассуждает автор, - это лишь особый вид творческой деятельности, ... которая создает новые жизненные формы. Революционное творчество - элично по своему существу» [8; С. 3]. По утверждению автора брошюры «О пролетарской этике», принцип должного в этике является фактом социальным, и в этом отношении – идеологическим.

Этико-идеологическая доктрина в пореволюционное время активно разрабатывается в статьях и выступлениях А.В.Луначарского, Н.К. Крупской, Е.М. Ярославского, А.А. Сольц, И. Арманд, А.М.Коллонтай и других видных партийцев.

В формировании этической доктрины марксизма принимал активное участие А.В. Луначарский, теоретические позиции и взгляды которого формировались еще в предреволюционную эпоху. Так, В 1906 г. выходят две рецензии Луначарского: «Этика и марксизм», посвященная книге Каутского, и «Пролетариат и этика», представляющая собой критический разбор книги Н. Н. Кошкарёва «О пролетарской этике». После революции Луначарский принимает активное участие в дискуссиях по проблемам воспитания, сущности пролетарской морали, общественной нравственности.

А.М. Коллонтай в духе марксистской теории дифференцировала мораль по классовому признаку, противопоставляя буржуазную мораль и мораль пролетариата. В своей работе «Этика и социалдемократия» она пишет: «Если для буржуазии гуманные этические нормы – излишнее бремя, и она их отбрасывает прочь, то для пролетариата, выдвигающего на первый план принцип солидарности, объединения, самоотвержения, интересы класса выше индивидуального блага» [3; С. 27-28].

Дискуссии 20-х годов затрагивали прежде всего проблему нравственного поведения и облика партийца, характера нравственного быта и семейных отношений. Поскольку в новом обществе человек должен совершенствоваться, обновляться, оставляя позади весь скарб нажитых традиций, обычаев, привычек, то, соответственно, вставал вопрос о поведенческих моделях, о том, что должно и не должно делать, как жить, как выстраивать отношения с другими людьми. Партиец должен был выступать образцом для подражания, поэтому все внимание было сосредоточено на нравственном облике члена партии. Именно этой проблеме были посвящены материалы дискуссии о партийной этике [9]. Основные нравственные принципы были изложены в докладе Е.М. Ярославского «О партэтике» на II Пленуме ЦКК РКП(б) 5 октября 1924 г.

В своем выступлении Ярославский декларировал необходимость строго соблюдения принципов пролетарской морали: «Мы не являемся сторонниками выработки какого-либо подробного кодекса морали, устава коммунистического поведения. Но в то же время мы должны решительно бороться с тем голым отрицанием классовой пролетарской морали, которую пролетарская Коммунистическая партия и пролетариат в целом вырабатывают в процессе борьбы. Мы должны объявить решительную войну тому голому отрицанию морали, которое особенно сильно у некоторой части нашей молодежи в своем законном протесте против отжившей буржуазной классовой морали». Члены и кандидаты партии должны быть «проводниками в широкие беспартийные трудовые массы целостного коммунистического мировоззрения, включающего и определенные основы морали». Основы морали должны конструироваться, по мнению докладчика, «из действительных отношений окружающих нас людей». Между тем, далее утверждает Ярославский, «до сих пор не было сделано систематической попытки договориться об установлении более или менее одинаковой оценки поведения членов и кандидатов РКП (б) в вопросах, которые обычно характеризуются как партэтика, коммунистическая этика» [9; С. 153]. Далее в докладе были сформулированы пять основных требований партэтики. Следует заметить, что эти требования были сформулированы в негативной форме: «1. Не коммунист тот, для кого партия не цель, а средство, кто идет в партию для того, чтобы использовать принадлежность к партии для получения всякого рода привилегий и выгод. 2. Не коммунист тот, кто делает что-либо такое,

против чего партия борется. 3. Не коммунист тот, у которого на первом плане не партия и ее интересы, а что-либо другое, - собственное хозяйство, семья и пр. 4. Поэтому коммунист должен думать не только о своей работе, но и о том, чтобы дать возможность и другим вести эту работу; отсюда обязанность заботы о товарищах по работе. 5. На область семейных отношений должна быть перенесена та же забота. В настоящих условиях коммунистическая семья должна представлять собой ячейку, которая, основываясь на естественном чувстве привязанности, заботится о создании благоприятных условий для коммунистической работы всех членов семьи, создавая из нее трудовую товарищескую коммуну» [9; С. 154]. Далее в своем докладе Ярославский объясняет, почему назрела необходимость декларировать некоторые требования морали: «ломка экономических отношений, религиозных норм и буржуазной семейной морали, раскрепощение женщины, более свободное воспитание молодежи – все это выдвигает ряд вопросов, касающихся семейных взаимоотношений. Беспартийная масса рассматривает компартию как застрельщицу в создании новых форм семьи, семейного быта, половых взаимоотношений. Между тем общество еще не выработало в этой области вполне устойчивых новых форм» [9; С. 156-157].

На Пленуме ЦКК РКП(б) прозвучали предложения, которые должны были выступить основанием для принятия решений в оценке поведения партийцев, поэтому доклад Ярославского вызвал дискуссию, бурное обсуждение, в процессе которого возникали как конкретные вопросы – что можно, а что нельзя делать партийцу, так и обще идеологические. Возник вопрос о негативных формулировках моральных характеристик-требований, в ответ на это было замечено, что «если бы вы попробовали сформулировать положительно, что должен делать коммунист, то вы бы должны были написать: коммунист должен выполнять Программу и Устав партии» [9; С. 216]... «Другими словами, если бы каждый коммунист был настолько сознателен и понимал бы, что для него интересы партии, интересы класса стоят выше всего, нам не нужно было бы вырабатывать никакой коммунистической этики, потому что в этом – вся наша коммунистическая этика. Нужно сказать всем, каждый должен убедиться, что мы в каждом поступке руководимся интересами класса, интересами партии».

В процессе обсуждения доклада прозвучали предложения выносить на партийный суд, на обсуждение партийных комиссий складывающийся новый быт, необходимость регулировать общественную жизнь. Были даны определения классового характера этики: «Этика у нас классовая: у буржуазии - своя этика, у рабочих, авангарда рабочего класса, - своя, и то, что буржуазии здорово, то рабочему смерть. Я ставлю вопрос так: все то, что вредно для рабочего класса, для Коммунистической партии, это есть неэтический поступок, а все то, что в пользу нашему классу и нашей партии, это – этический поступок, и только так подходить к этому вопросу нужно» [9; С. 197].

Таким образом, мораль рассматривалась как жесткий регулятор поведения, основанный на внешних формах регуляции, институционально закрепленных в виде комитетов и комиссий, рассматривающих и оценивающих поступки человека, предваряющих законодательную инициативу, поэтому за моралью закрепляется своеобразная надзирающая и наказывающая функция. Но, с другой стороны, стремление закрепить определенные нормы и принципы было продиктовано не столько желанием зафиксировать сложившееся, существующее положение вещей, сколько сформировать образ будущей морали, изменить настоящее во имя будущего, таким образом в моральных требованиях можно было усмотреть утопические тенденции.

Переосмысление морали, смещение акцентов с индивидуальной морали и внутренней саморегуляции субъекта на общественную и, соответственно, внешнюю регуляцию, приводило и к пересмотру системы моральных ценностей, вытеснению моральных понятий из морального сознания или замещение их другим понятийным строем. Такие понятия, как долг и совесть, честь и достоинство были отнесены к старой морали, ценности которой должны быть преодолены революционным творчеством пролетариата. Долг заменялся свободой, честь рассматривалась как исключительно сословное понятие, которому нет места в обществе всеобщего равенства. По выражению Бухарина, долг «висит над людьми, как какая-то внешняя принудительная божественная сила», и это «неизбежный фетишизм этики» [10; С. 136]. В дискуссиях о проблемах пролетарской морали этические понятия ставились под сомнение, целесообразно ли пользоваться такими понятиями, как этика, мораль, нравственное-беснравственное, если в них отражен только некий исторический этап развития человечества, но они не отвечают современному состоянию пролетариата, а тем более при помощи этих понятий невозможно описать будущее.

В русле общей тенденции этического нигилизма, с одной стороны, и жесткой моральной нормативности, с другой стороны, складывалась общая картина этической мысли пореволюционной России. Как уже было сказано, к началу 30-х гг. этика окончательно вытесняется из академического пространства, университетской среды. Превращаясь в моральную идеологию, этика становится составной частью педагогических теорий, поскольку в задачи морали как идеологии входило формирование нового человека. Этика как теория воспитания включалась в педагогическую мысль в 20-30 ые гг.

Наиболее значительный вклад в становление этико-педагогической мысли и практики был сделан А. С. Макаренко. В своей воспитательной доктрине А. С. Макаренко обосновывает принцип коллективизма в противоположность со старой моралью, в которой приоритетным, по мнению педагога, было индивидуалистическое начало.

«Коммунистическое поведение, коммунистическая нравственность, коммунистическое воспитание должны иметь иные линии развития,

совершенно новые формы и новую терминологию». Так, с точки зрения А. С. Макаренко, в новой морали должны быть новые критерии нравственности и моральные принципы. В качестве основополагающих принципов морали выступают принцип нравственного отношения к труду и принцип коллективизма: «Христианская этика не интересовалась вопросами труда и трудовой честности. ... У нас труд есть дело чести, дело доблести, героизма. В нашем обществе труд является не только экономической категорией, но и категорией нравственной». Основой нравственного закона, его «логической осью», по выражению А.С. Макаренко, «не может быть обособленный индивид, безразлично относящийся к общественным явлениям». Критерием нравственного поступка выступают интересы коллектива, а добродетели приобретают иные смыслы и значения: «Честность «праведника» и честность коммунистическая – принципиально разные вещи. Очень многие категории поступков, в старой этике стоявшие вне пределов моральной нормы, у нас делаются моральными категориями. И то, что усиливает или ослабляет связь между людьми, что, следовательно, объединяет или разрушает коллектив, в нашем обществе не может оставаться безразличным по отношению к нравственной норме». Главными «добродетелями» коммунистической морали являются «воля, мужество и целеустремленность» [6; С. 323].

Таким образом, в этико-воспитательной теории А.С.Макаренко сложился новый понятийный строй морального сознания, в котором многие понятия замещались новыми, предметное содержание ряда традиционных этических понятий менялось и переосмысливалось. Многие этические ценности утрачивали свое прежнее значение и вытеснялись из сознания. На основе анализа педагогической концепции Макаренко можно представить сложный процесс деактуализации моральных понятий и регулятивов и замещение их новыми, обладающих более значимым прескриптивным содержанием.

Этика в пореволюционной России на ранних этапах построения нового общества была, фактически, не теорией, а идеологией, участвующей в обновлении общества, формировании нового человека и классовой борьбе пролетариата против буржуазии.

В этой связи мораль рассматривалась как форма идеологии, одна из превращенных форм общественного сознания. Она сама по себе не имеет ценностного значения, но может рассматриваться инструментально как оружие победившего пролетариата в процессе построения нового общества. Поэтому в этическом плане возрастает прескриптивная составляющая – моральная нормативность строго регламентирует, направляет и воспитывает человека новой эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусейнов А.А. Марксизм и этика//Карл Маркс и современная философия. ИФ РАН, М., 1999.
2. Каптерев П.Ф. История русской педагогики. Издание 2-е. – Петроград, 1915.

3. Коллонтай А. М. Этика и социал-демократия // Образование. 1906. № 2.
4. Ленин В.И. Задачи союзов молодежи (речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи) // ПСС в 55 тт. Т.41.
5. Ленин В.И. Экономическое содержание народничества.//ПСС в 55 тт..Т. 1.
6. Макаренко А.С. Коммунистическое воспитание и поведение // Макаренко А.С. Педагогические сочинения: В 8 т. М., 1985. Т. 6.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология /Соч. Изд. 2-е. Т.3. М., 1955.
8. О пролетарской этике М., 1918.
9. Партийная этика. Документы и материалы дискуссии 20-х годов. М., 1989.
10. Петропавловский Р.В. Вульгаризаторские и нигилистические тенденции в этических идеях 20-х годов и борьба с ними//Марксистская этическая мысль в СССР (20-е – первая половина 30-х годов). М. ИФ АН СССР. 1989.
11. Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1981.

TRANSLIT

1. Guseynov A.A. Marksizm i etika//Karl Marks i sovremennaya filosofiya. IF RAN, M., 1999.
2. Kapterev P.F. Istoriya russkoy pedagogii. Izdanie 2-e. – Petrograd, 1915.
3. Kollontay A. M. Etika i sotsial-demokratiya // Obrazovanie. 1906. № 2.
4. Lenin V.I. Zadachi soyuzov molodezhi (rech na III Vserossiyskom s'ezde Rossiyskogo Kommunisticheskogo Soyuzu Molodezhi) // PSS v 55 tt. T.41.
5. Lenin V.I. Ekonomicheskoe soderzhanie narodnichestva.// PSS v 55 tt..Т. 1.
6. Makarenko A.S. Kommunisticheskoe vospitanie i povedenie // Makarenko A.S. Pedagogicheskie sochineniya: V 8 t. M., 1985. T. 6.
7. Marks K., Engels F. Soch. 2-e. Т.3.
8. О proletarskoy etike М., 1918. (Avtorstvo pripisyivaetsya N.N. Koshkarevu).
9. Partiynaya etika. Dokumentyi i materialyi diskussii 20-h godov. М., 1989.
10. Petropavlovskiy R.V. Vulgarizatorskie i nigilisticheskie tendentsii v eticheskikh ideyah 20-h godov i borba s nimi//Marksistskaya eticheskaya myisl v SSSR (20-e – pervaya polovina 30-h godov). М. IF AN SSSR. 1989. S. 136.
11. Florovskiy G. Puti russkogo bogosloviya. Parizh, 198